

Анатолий Васильевич Луначарский

**Свобода книги и
революция**

Анатолий Васильевич Луначарский

Свобода книги и революция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22136961

Аннотация

«Идея революции в большинстве умов прочно связана с идеей свободы. В самом деле, что такое революция, согласно самому глубокому ее анализу, тому, который дал Маркс? В обществе накаплиются новые силы, движимые экономической стихией развернувшейся новой формы хозяйственной жизни, верхние же пласты надстроек, выросшие на почве прежнего хозяйственного уклада, держат эти выросшие глубины в своих косных рамках. Происходит в известной стадии развития неизбежный взрыв, до сих пор сдерживаемые силы сегодняшнего дня разбивают вчерашние оковы и освобождаются...»

Содержание

Анатолий Луначарский

Свобода книги и революция

Идея революции в большинстве умов прочно связана с идеей свободы. В самом деле, что такое революция, согласно самому глубокому ее анализу, тому, который дал Маркс?

В обществе накаплиются новые силы, движимые экономической стихией развернувшейся новой формы хозяйственной жизни, верхние же пласты надстроек, выросшие на почве прежнего хозяйственного уклада, держат эти выросшие глубины в своих косных рамках. Происходит в известной стадии развития неизбежный взрыв, до сих пор сдерживаемые силы сегодняшнего дня разбивают вчерашние оковы и освобождаются.

С точки зрения классов процесс этот всегда выражается в том, что власть переходит в руки нового класса, выдвинутого экономической эволюцией в качестве естественного руководителя новой фазы культурного развития.

В обывательской же мысли, в мысли прогрессивного обывателя, не заходящего в своем анализе так глубоко, революция обыкновенно соединяется с классической формулой XVIII века: торжество свободы, равенства и братства.

Свобода на самом первом плане. Между тем на самом де-

ле ни одна революция не создает режима свободы и не может его создать. Революция есть гражданская война, неизменно сопровождаемая войною внешней. Латинская поговорка недаром говорит: «под звон оружия молчат законы»¹, и под звон оружия молчит искусство.

Это, конечно, особенно верно, когда дело идет о войне гражданской. Вся страна наполнена враждебными друг другу силами. Новое революционное правительство, не имеющее солидного государственного механизма, в несравненно большей мере вынуждено опасаться контрреволюционных происков, контрреволюционных мятежей, чем это бывает даже с самым закоснелым контрреволюционным правительством. С прошлым прямо и косвенно связано столько различных интересов, народ, переживающий революцию, в своих массах (как это было до сих пор во всех странах) еще настолько темен, что опасности эти ежеминутно грозят превратиться, как учит история, в настоящую гибель.

Вот почему даже революция социалистическая, происходящая под знаком окончания всяких войн и отмены всякой государственной власти, как идеалов *конечных*, на *первых* порах вынуждена усилить дух своеобразного милитаризма, усилить диктатуру государственной власти и даже, так сказать, полицейский ее характер.

Для настоящего революционера, не болтуна, а работника

---

¹ «Под звон оружия молчат законы» (Silent leges inter arma) из речи Цицерона в защиту Милона (52 г. до н. э.).

революции, совершенно ясно, что являющееся отвратительным и реакционным в руках соответственного реакционного правительства насилие оказывается священным, необходимым в руках революционера.

Революционер видит далеко, он сознает, что упразднение войны и государства возможно только через героическое, часто наступательное, энергичнейшее ведение войны и через жесткую диктатуру власти, через настоящую монополию власти в руках не только определенных классов, но даже определенных групп, именно тех, которые выражают классовую идеологию во всей полноте.

Обыватель этого не понимает. Он лепечет что – то о том, что вот – де революция, вышедшая из недр народа, протестовавшего против оков власти, оказывается *такой же* тиранией, как и прежде. Он лепечет что – то о готтентотской морали. Но в так называемой готтентотской морали есть глубочайший смысл. Разве есть на свете человек, который рассуждал бы во время войны иначе, чем пресловутый готтентот? Готтентот говорит: если я отобью у кого-нибудь жену, то это добро, а если кто-нибудь отобьет ее у меня, то это зло. А разве есть, повторяю, человек на свете, который не говорил бы: если мы разбили неприятеля, то это добро, а если он разбил нас, то это зло? И больше всего может быть уверен в том, что это субъективное добро совпадает с объективным, тот, кто ведет свою войну во имя великих идеалов.

Революция работает во имя великих идеалов. Имеет про-

тив себя целый мир врагов и потому обязана отступить от своих идеалов *в пути*. Средства вовсе не обязательно сходны с целью. Если вы хотите выгрести против течения на тихий остров, где думаете отдохнуть, то цель ваша – отдых, но из этого вовсе не следует, что вы можете отдыхать в лодке. Здесь от вас требуется величайшее напряжение.

– Наша цель, например, отсутствие всякой дисциплины, естественные взаимоотношения людей, основанные на понимании каждым интересов целого, на ясном представлении общественных трудовых процессов, в которых он участвует, но если вследствие этого мы бы заявили, что нам не нужна сейчас ни дисциплина партийная, ни дисциплина профессиональная, – хороши бы мы были гуси!

Один талантливый молодой поэт, бывший левым социалистом, а теперь коммунист и руководящий в Швейцарии работой пролеткульта, Отто Фолькерт, пишет мне в письме, полученном мною недавно: «Я совершенно убежден в том, что вы показали Европе единственно правильный путь и что европейско – американский труд пойдет по нему. Надо только охранить права *творческой индивидуальности*».

Конечно, наши художники, главным образом писатели, хором ответили бы Фолькерту: «Права творческой индивидуальности не охранены в России».

Но прежде всего надо спросить себя: *должно* ли революционное правительство принципиально охранять права индивидуального творчества?

На этот вопрос я, не обинуясь, скажу: да, должно. Каутский в своей и теперь замечательной и поучительной книге – «На другой день после социальной революции» – дает совершенно правильную формулу, когда он говорит: величайший порядок и планомерность в производстве и полная анархия в области искусства².

Под «анархией» разумеется здесь совсем не то, что разумеет обыкновенно обыватель, то есть не беспорядок, а безвластие, отсутствие начальства, предписывающего вдохновению те или другие нормы.

Искусство, конечно, нужно народу. Я должен с удовольствием сказать, что могу констатировать как несомненный факт, как несомненное приобретение, что за всеми спорами не только интеллигенция всех направлений, но и сами

---

² У Каутского: «Коммунизм в материальном производстве, анархизм – в интеллектуальном, таков тот тип социалистического способа производства, к которому приводит силой логики экономических фактов господство пролетариата, или, другими словами, приводит социальная революция...» (К. Каутский, На другой день после социальной революции. С предисловием А. Луначарского, изд. «Пролетарская мысль», Пг. 1917, стр. 60). В. И. Ленин по существу выступал против этого оппортунистического тезиса Каутского, когда говорил в беседе с Кларой Цеткин: «Наша революция освободила художников... Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник... имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего.– Но, понятно, мы – коммунисты. Мы не должны стоять сложа руки и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты» («В. И. Ленин о литературе и искусстве», М. 1960, стр. 659). А. В. Луначарский в статье «Свобода книги и революция», вначале соглашаясь с Каутским, затем ставит тот же вопрос о руководстве развитием искусства и литературы со стороны партии и Советского государства.

массы как таковые поняли сейчас, как никогда не понимали, важность вопросов искусства. Недаром же о нем толкуют так много, но подлинное искусство, то, которое носит на себе печать гения или таланта, в клетке петь не может. Приспособленный к клетке талант превращается из соловья в чижи-ка, из орла в курицу. Я, разумеется, не делаю отсюда вывода, что революция может иметь в качестве своих поэтов и художников только чижей и кур. Наоборот, свободный артист, свободный поэт может быть до глубины сердца революционером, но именно постольку, поскольку творчество его совпадает с его свободным устремлением.

Отсюда вывод: революционное культурное государство не может не заботиться о развитии искусства в стране, искусства вообще, как дарующего радость жизни, как формулирующего в ярких образах переживания данного времени.

Оно не может не радоваться и не покровительствовать особенно тому искусству, которое находится в консонансе с нею. Но оно не должно искусственно срывать цветы, которые кажутся ему почему-нибудь далекими или не совсем соответственными его идеалам, ни безвкусно потакать шарлатанам и угодникам, старающимся продать ему под видом искусства льстивую подделку.

Опять – таки здесь надо сделать оговорку: государство имеет право и должно создавать плакаты, плакатно – агитационные пьесы, революционные песни и т. д. и т. п.

Все это будет искусством, если для этого найдутся искрен-

не увлеченные революционными идеями художники, и это будет почтенным и обладающим действительной силой художественным ремеслом, художественной промышленностью, если дело будет идти о добросовестных мастерах, которые государственные заказы добросовестно выполняют, – определенное агитационное полуискусство.

Отвратительно, грубо тенденциозно, пошло это будет тогда, когда за дело возьмется не артист, а пошляк, проделывающий карьеру в революционной маске.

Но если, таким образом, государство должно быть в высокой степени *либеральным* в области искусства, если оно не должно говорить: «вот такие – то и такие формы искусства устарели», а предоставлять устарелым формам искусства эволюционировать или умирать естественно; и если государство не должно говорить: «такие – то и такие – то формы искусства суть aberrации», но, проверив, что за этими формами стоят действительно искренние группы художников, а не какие-нибудь отдельные шарлатаны, желающие морочить публику (вроде, например, имажинистов³, среди которых есть талантливые люди, но которые как бы нарочно

---

³ Луначарский был возмущен имажинистскими изданиями, в том числе сборником стихов Есенина, Мариенгофа и Шершеневича «Золотой кипяток» («Имажинисты», М. 1921). В газете «Известия ВЦИК», 1921, № 80, 14 апреля, появилось «Письмо в редакцию» Луначарского, где он называет издания имажинистов «злостным надругательством и над собственным дарованием, и над человечеством, и над современной Россией». Полемику Луначарского с имажинистами см. далее в журнале «Печать и революция», 1921, № 2, август – октябрь, стр. 248–249.

стараются опаскудить свои таланты), опять – таки предоставить самой жизни выправить эти aberrации или отбросить их совсем, – то, с другой стороны, целый ряд обстоятельств делают этот принцип, в котором революционная власть не сомневается, весьма трудно проводимым в жизнь.

Прежде всего военное напряжение и скудость средств, которыми располагают революционные правительства (в том числе и наше), заставляют направлять внимание и ресурсы страны в область настоятельнейших нужд, и с этой точки зрения, как бы мы ни относились к искусству, оно все – таки является потребностью второго порядка.

Пусть кто-нибудь скажет – высшего, но все – таки второго. «Сначала жить, а потом философствовать», – говорили римляне.

Если сообразить все подавляющие трудности, среди которых билась в течение трехлетней войны наша республика, среди которых она бьется и сейчас, в особенности благодаря проискам тех же контрреволюционных партий, то, конечно, придешь к выводу, что история с изумлением остановится перед теми огромными затратами (соотносительно средствам, бывшим в нашем распоряжении), которые Советская власть сумела передать художникам.

Только обывательское брюзжание одних и какое – то желчное раздражение других (критиков особенно) мешает видеть, что мы переживаем интересную страницу в области художественного творчества, несмотря на его кажущееся

оскудение, что огромные массы привлечены к участию в художественной жизни страны, что эта художественная жизнь не замерла, несмотря на страшные препятствия, что она во многих случаях продвинулась вперед и по форме, и по содержанию.

Однако отрицать нельзя, что абсолютное количество благ, какими государство располагает для искусства, конечно, значительно меньше, чем то, которое давалось ему в дореволюционное время.

Вторым условием, одинаковым для всех областей искусства, в том числе и для книги, является самая борьба, а стало быть, и невозможность допустить свободу, и особенно свободу слова.

Слово есть оружие, и совершенно так же, как революционная власть не может допустить существования револьверов и пулеметов у всякого встречного и поперечного, ибо этот самый встречный и поперечный часто есть злейший враг; так же государство не может допустить свободы печатной пропаганды.

Росказни о том, что революционеры – де добиваются свободы слова, когда старая власть им ее не дает, а потом сами ее отнимают, – сушая обывательская чепуха.

Конечно, революционеры устремляются к полной свободе слова, но как к конечному идеалу, и идеал этот тем скорее превратится в действительность, чем полнее будет победа революции и над сознательными определенными контр-

революционерами, и над всеми темными интеллигентами и темными крестьянами, которые по недоразумению, по мало-душью, по наущению других принимают участие в контрреволюционных интригах.

Вряд ли кто-нибудь мало – мальски разумный будет спорить с тем, что революцию в высшей степени укрепляет возможность, пользуясь всеми государственными ресурсами, вести свою печатную пропаганду и агитацию, и, пользуясь теми же ресурсами, уничтожить яд контрреволюционной пропаганды и агитации.

Это будет приводить в бешенство всех «либералов», принципиально не согласных с руководящей революционной партией, это будет заставлять возмущаться тех розовеньких и чистеньких либералов, которые уверяют, что они беспартийны, но вообще за «свободу и культуру», за все «высокое и прекрасное», но это будет совершенно понятно всякому бойцу, и для человека, чье сердце бьется хотя несколько в унисон с Коммунистической партией в наше время, – это не подлежит сомнению.

Но вот что касается книги поэтической, книги беллетристической, не нужна ли здесь полнейшая свобода? Однако можно не сомневаться, что в беллетристической форме, которая ведь есть, как и всякое искусство, нарочито агитационная форма, то есть волнующая именно чувства, – пропаганда возможна как нельзя лучше.

Если государство само стремится создать и поощрить ху-

дожественную пропаганду, то оно вместе с тем обязано пресекать художественную антипропаганду.

Цензура?

Какое ужасное слово! Но для нас не менее ужасные слова: пушка, штык, тюрьма, даже государство. Все это для нас ужасные слова, все это *их* арсенал, всякой буржуазии, консервативной и либеральной. Но мы считаем священными штыки и пушки, самые тюрьмы и *наше* государство, как средство к разрушению и уничтожению всего этого.

То же самое и с цензурой. Да, мы несколько не испугались необходимости цензурировать даже изящную литературу, ибо под ее флагом, под ее изящной внешностью может быть внедряем яд еще наивной и темной душе огромной массы, ежедневно готовой пошатнуться и отбросить ведущую ее среди пустыни к земле обетованной руку из – за слишком больших испытаний пути.

Есть и еще одно неприятное условие: крайняя бумажная и типографская скудость.

Страна, промышленно раздавленная и окруженная блокадой, имеет соответственно уменьшенные силы в области издательства, а так как потребность в широчайшей печатной пропаганде, во всякого рода учебниках, популярных газетах, брошюрах и т. п. становится в революционное время поистине необъятной, то, конечно, государство не может не оставить на потребности вольного художественного слова лишь очень небольшие остатки.

Со всеми этими отрицательными условиями приходится считаться, но не следует выходить за их рамки.

Тот, кто скажет нам: «необходима цензура, приостанавливающая даже великие художественные произведения, если в них таится очевидная контрреволюция; нам нужен выбор, откладывающий до третьей и четвертой очереди несомненно нужные книги по сравнению с книгами величайшей нужды», – тот будет прав. Человек же, который скажет: «дой все эти предрассудки о свободе слова, нашему коммунистическому строю соответствует государственное руководство литературой, цензура есть не ужасная черта переходного времени, а нечто присущее упорядоченной, социализированной социалистической жизни», – тот, кто сделает из этого вывод, что самая критика должна превратиться в своего рода донос или в пригонку художественных произведений на примитивно революционные колодки, тот покажет только, что под коммунистом у него, если его немного потерять, в сущности, сидит Держиморда⁴ и что, сколько-нибудь подойдя к власти, он ничего другого из нее не взял, как удовольствие куражиться, самодурствовать и в особенности тащить и не пущать...⁵

Эти симптомы, конечно, есть у нас, не может их не быть, –

---

⁴ Персонаж «Ревизора» Гоголя.

⁵ Выражение восходит к очерку Г. Успенского «Будка» (1868), рассказывающему о будочнике Мымрецове, главные обязанности которого состояли в том, чтобы «тащить» и «не пущать».

слишком мы мало культурный народ.

Угроза превращения сильной пролетарской власти в младших агентах и случайных выразителях в полицейщину, в аракчеевщину, – как сказал наш товарищ коммунист в владивостокском журнале «Творчество» (тов. Чужак)⁶, – имеет ся налицо, и надо ее всячески избегать.

Народный комиссариат по просвещению, с одной стороны, будет всемерно, и не заботясь нисколько о том, что скажут прекраснодушные либералы, проводить и политическую цензуру, и отбор более важных книг по сравнению с теми, появление которых в свет терпит, но вместе с тем он будет на страже изложенного здесь принципиального отношения к искусству, он будет бороться против некоторых медведей, которые тоже берутся гнуть дуги, против некоторых обезьян, которые тоже надевают очки для того, чтобы рассмотреть контрреволюцию, иногда надевая их на хвост⁷.

Правда, наш собственный подлинный «либерализм», наше стремление к полной свободе творчества, которая невиданно пышным цветом расцветает в подготавливаемом нами общественном строе, – сквозь проклятую необходимость навязанной нам контрреволюцией надобности насильственно оберегать этот самый идеал, сквозь навязанную нам ею же

---

⁶ Имеется в виду статья Чужака (Н. Ф. Насимовича) «Опасность аракчеевщины» в журнале «Творчество», Владивосток, 1920, № 5.

⁷ См. басни И. А. Крылова «Трудолюбивый медведь» (1818) и «Мартышка и очки» (1815).

усиленную нужду, – может проглядывать только как бледный луч месяца среди бегущих туч.

Но что же делать? Переходное время есть переходное время. Не надо нетерпеливо отмахиваться от тех его сторон, которые в нем неизбежны, которые являются путями к лучшему будущему, но не надо эти стороны, часто горькие, превращать чуть не в источник удовольствия, чуть не в самоцель.